

18+

В. Махов

По дорогам,
ещё не пройденным ...

А. Махов

Виталий Махов

По дорогам, еще не пройденным

«Издательские решения»

Махов В.

По дорогам, еще не пройденным / В. Махов — «Издательские решения»,

Жизнь — дорога. Сколько доведется по ней пройти и что мы, сойдя с нее, оставим идущим дальше, во многом зависит от нас. Мы не можем начать свой путь заново, но у нас есть память, чтобы вернуться туда, где дорога еще лежала впереди.

© Махов В.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
От Вислы до Берлина	10
Книги	12
От Вислы до Берлина	15
Дом культуры	17
От Вислы до Берлина	19
Гусенки	21
От Вислы до Берлина	23
Побег	25
От Вислы до Берлина	29
Чердак	31
От Вислы до Берлина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

По дорогам, еще не пройденным

Виталий Махов
Алексей Махов

© Виталий Махов, 2026

© Алексей Махов, 2026

ISBN 978-5-0070-4473-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо племяннику Виталику Шатохину за помощь в обработке записок отца.

Вступление

Когда я открыл книгу Даниила Гранина «Мой лейтенант» и прочитал эпитафию:

«— Вы пишете про себя?

— Что вы, этого человека уже давно нет»,

меня поразила простота и точность этой мысли. В самом деле время идет, река жизни утекает, мы меняемся под давлением обстоятельств. Взрослеем, набираемся опыта, теряем юношескую бесшабашность, обретаем житейскую мудрость, или думаем, что обретаем. Но в любом случае меняемся, и тех людей, какими мы были пять, десять, пятнадцать лет назад, уже нет. Есть другие, но уже не те. Лучше или хуже не важно, другие. Однако, при всей бесспорности приведенных выше слов, в моем случае дело обстоит не совсем так. Мой отец, о котором я хочу рассказать, конечно изменился в течение прожитых лет. Как и насколько, судить не могу, потому что, по понятным причинам, не знал его молодым. Но одно знаю точно: тот мальчишка, первый раз в тринадцать лет убежавший из дома на фронт и окончивший войну в шестнадцать у Рейхстага, жил в нем всегда. Может быть причиной этому явилось то, что война легла на возраст, когда происходит становление человека как личности, может быть дело в яркости и силе впечатлений. Впрочем, скорее всего, и то, и другое, плюс авантюрный склад характера и его нежелание расставаться с тем временем, уходить из него. Он до старости просил называть себя «просто Витя», так он и представлялся при знакомстве. Хотя правильно было бы Виталий, но тогда, там, его называли Витей, значит так оно и должно было оставаться.

Эту книгу я решил построить из двух частей, переплетающихся между собой. Первая и основная — военные воспоминания отца. Вторая — картинки из его послевоенной жизни, оставшиеся в моей памяти. На мой взгляд, такое сочетание поможет лучше понять этого человека. Между временем, которым заканчиваются его записи и годами моей памяти в жизни отца произошло много событий, свидетелем которых я, понятно, не был, знаю только по рассказам. Это и геологоразведка где-то в горах Кавказа, и поступление в МАДИ, и, вызванный рождением второго ребенка в семье (то есть меня) уход из института в «академку» (как оказалось «с концами»), и многое, многое другое. Но отец не придавал этим событиям большого значения, в отличие от событий фронтовых лет рассказывал о них мало, не буду останавливаться на них и я. Как уже было сказано, наиболее значимыми здесь являются военные воспоминания отца, но, в качестве введения, начать все-таки хотелось бы с картинок из моего детства. Мне кажется, что в этом случае погружение в историю будет ступенчатым, не таким резким. Кроме этого хотелось бы сразу кое-что пояснить, чтобы его поступки, благодаря которым он оказался на войне, не выглядели безбашенным авантюризмом, а имели более понятную мотивацию.

Моя память об отце просыпается в конце шестидесятых. Жили мы тогда в небольшом подмосковном поселке, образованном вокруг керамико-плиточного завода. Мы это отец, мама, старший брат Сашка и я. Основную часть поселка составляли небольшие, двухподъездные, двухэтажные, желтые или голубые, оштукатуренные домики с четырехскатными крышами, покрытыми серым шифером. Говорили, что, как и сам завод, их строили пленные немцы. Дома стояли по периметру прямоугольников, по три-пять в ряд. Внутри этих прямоугольников все было застроено деревянными сараями, в которых хранился всякий хлам, были вырыты погреба для запасов на зиму солений и картошки, а также содержалась всяческая живность, от кур до свиней и телят. Был такой и у нас. Сарай никто не красил, поэтому были они грязно-серого цвета старых досок, которые во время дождей, напокая, становились черными. Одной стороной кварталы, а скорее кварталчики двухэтажек упирались в КПЗ (сокращенное название завода), с трех оставшихся их окружали дома «частного сектора» — как правило одноэтажные частные дома с земельными участками, обнесенными деревянным штакетником. За заводом ветка железной дороги, за частным сектором — лес, в который нас, мальчишек тянуло неудер-

жимо, в том числе, благодаря прочитанным с подачи отца книгам Фенимора Купера и Майн Рида. Население поселка было разношерстным, как правило это были люди, стянувшиеся из разных уголков страны ближе к столице, и здесь осевшие. Все-таки, с подмосковной пропиской, в плане ее получения, было попроще чем с московской. В поселке все друг друга знали, так как почти все трудились на одном заводе, а дети учились в одной школе.

Несмотря на то, что отец работал всего лишь шофером на грузовике, он пользовался весомым уважением людей знакомых и не очень. Может быть потому, что был самым молодым из фронтовиков, которых тогда еще было довольно много, может быть благодаря количеству боевых наград, пиджак с которыми он надевал по праздникам (был у него специальный пиджак с орденами и медалями) именно боевых, а не юбилейных, а может быть благодаря общительности и простоте. Точнее даже не простоте, а скорее естественности, отсутствию «второго дна». Для понимания небольшое сравнение. Люди маленькие ростом, часто, чтобы заявить о себе в пространстве, ходят широко расставив локти и любят ездить на больших машинах. Люди мелкие душой, чтобы заявить о себе в обществе создают вокруг себя кокон из сплетен, завывших амбиций и никому, кроме них, не нужной суеты. Человек сделавший в жизни что-либо достойное, многое доказавший прежде всего себе, не станет притворяться, интриговать или юлить, ему это не надо. Таким был и он, и ужасно не любил, когда замечал подобное, в смысле притворство, за другими. Рубил с плеча — «подлец». Не было для него слов хуже, чем «подлец» и «подхалим».

Уважение это в какой-то мере проецировалось и на нас, его сыновей. Может быть, конечно, мы сами переносили его на себя, не зря же все нас знают, и взрослые дядьки здороваются с нами, как с большими. С этими самыми дядьками он часто в выходные допоздна зависал в сарае, позже оправдываясь перед мамой чем-нибудь вроде ремонта мотоцикла. По праздникам некоторые из них собирались за столом в нашей небольшой двухкомнатной квартире, трепались «за жизнь» и, подвыпив, пели фронтовые песни. Кстати, песен о войне, написанных в послевоенные годы он не признавал, исключением были разве что «Журавли» и «Эх, дороги...». Как-то я сказал ему, что мне понравилась песня «День победы» (как мог не понравиться мальчишке этот бравурный марш), на что услышал, что в войну были Шульженко, Русланова и песни, такие как «Бьется в тесной печурке огонь» или «Темная ночь», а это все так..., дальше последовал взмах руки, как будто он отмахивался от чего-то незначительного, не настоящего.

Бытует мнение, что люди, прошедшие войну, не любят о ней рассказывать. С отцом было не так. Он охотно посвящал нас с братом в события фронтовых лет. Надо ли говорить, что с раннего возраста мы могли с легкостью отличить Т-34-85, от ИС-2, знали, что на ИСах устанавливались 122-миллиметровые пушки с дульным тормозом, и танк этот мог стрелять только с остановкой, чтобы не повредить трансмиссию. Что советские танки ездили на солярке, а немецкие на бензине и проч., и проч. Поначалу, как это бывает, когда слушаешь что-то часто, да еще в раннем возрасте, да еще на фоне общей идеологии тех лет, когда про войну говорили много, по телевизору и в кино почти все фильмы про войну, книги про войну, песни, раздающиеся из кухонных радиоточек — про войну, рассказы отца не слишком впечатляли.

Позже, сопоставляя увиденное в кино и услышанное на уроках истории в школе с тем, что рассказывал он, замечая, как его слушают другие, да и просто взрослея, мы начинали понимать, что рядом человек незаурядной судьбы. Это не избавляло от мелких бытовых ссор и обид, каковых не избежать людям, живущим в одной семье. Могу честно признаться, что для меня, после какой-нибудь мелкой шлоды типа разбитого из рогатки стекла в книжном шкафу (надо было срочно испытать рогатку, немного промахнулся, метил в штору на окне) или свинченных нетрезвым участковым с велосипедных колес ниппелей за то, что вез на багажнике приятеля, чем, по мнению участкового, нарушал правила дорожного движения, так вот, для меня не было звука страшнее, чем звон пряжки его ремня, когда он, вернувшись с работы домой, выслушав

мамин рассказ, вытаскивал ремень из штанов, дабы произвести экзекуцию надо мной. Было не столько больно, сколько обидно. Правды ради, надо сказать, что случилось это не часто и, как правило, по делу. В памяти он остался все-таки справедливым, не злым человеком, с живыми, по-молодому веселыми, карими глазами. С интересом к его военным похождениям, пришла и легкая зависть. Почему ему выпала возможность участвовать в тех событиях, воевать, а нам нет? Конечно чувство это было неосознанным, подспудным. Мы пытались как-то проявить себя, чтобы сравняться с ним в героизме, даже, скорее не в героизме, а в авантюризме. Примерно, как в «Балладе о детстве» Высоцкого:

*«Не досталось им даже по пуле,
В ремеслухе живи да тужи.
Ни дерзнуть, ни рискнуть, но рискнули —
Из напильников сделать ножи».*

Ножи из напильников мы, вроде, не делали, но рогатки и поджиги (самодельный огнестрел) — сколько угодно. Доходило даже до огнеметов из велосипедных насосов, наполненных бензином, но были они все-таки «стремными», мы сами побаивались их, и широкого распространения эта «реконструкция боевого оружия» не получила.

Слушая рассказы отца, мы все больше замечали их расхождение с тем, что видели в фильмах по телевизору или читали в книгах. Расхождение не в исторических фактах, а в подаче и содержании. В том, что рассказывал он была жизнь, фронтовая жизнь, даже скорее похождения мальчишки четырнадцати-шестнадцати лет. В подавляющем же количестве фильмов-эпопей, типа «Освобождение» или книг, написанных генералами (о «Малой земле» даже упоминать не хочется) войска перемещались фронтами, армиями и бригадами, как у толстовского генерала Пфуля в «Войне и мире»: «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert», человеку обыкновенному там места не было. В рассказах отца мы видели жизнь простых людей, попавших в условия войны. Их далеко не всегда героические (а если и таковые, то какие-то простые и естественные, как будто по-другому и быть не могло) дела, их ошибки и слабости.

Он часто упоминал о своих дневниках тех времен, даже показывал нам какие-то тетради в потертых клеенчатых обложках, исписанные не очень разборчивым почерком с рисунками и схемами боев. Мы их честно пытались читать, но вследствие не слишком разборчивого почерка, да и того, что слышали написанное в них неоднократно, продвинулись в этом деле не очень. Он обещал свести все вместе и переписать. Мы просили его постараться, в том, что он будет писать, по максимуму оставить живость его устных рассказов. Он написал, как смог. Некоторый официоз все-таки прорвался в текст, но это вполне простительно, учитывая то время и его патетику. Время, когда та победа не упоминалась без эпитета «Великая» (с чем, впрочем, и сейчас трудно поспорить), все дела на фронтах были героическими, а все участники войны — спасителями Европы (тоже не поспоришь, но пафос напрягает). К своим запискам отец в течение жизни периодически возвращался, что-то вспоминая и дописывая. Несмотря на это, их основой все-таки остались фронтовые дневники, которые он вел мальчишкой. Да и при всем желании не мог он сильно изменить их стилистику и настроение, так как сам оставался человеком того времени и мыслил его категориями. Я тоже не стал ничего менять в его записях, боясь растерять атмосферу тех лет. Назвал он их «От Вислы до Берлина», пусть так они называются и здесь.

Отец хотел, чтобы его воспоминания увидели свет. Он отправлял их кому-то из своих сослуживцев, бывших к тому времени уже в генеральских чинах. Один из них даже использовал их в своих мемуарах, вставив между маршальскими приказами, передвижениями армий, численностью орудий, техники и личного состава эпизод спасения горящего танка, когда пятнадцатилетний наводчик Витя, выпихивая кого-то из башни, обзывал его не то «канальей», не то «паскудой», не то еще как-то, сейчас не вспомню. Отец был недоволен и потом долго возмущался, говоря, что так выражаться ему не позволило бы воспитание. Но был и положительный

опыт. Особую гордость у него вызывала публикация небольшой статьи в знаковом в то время журнале «Огонек». Отец как-то прочел в одном из его номеров призыв ко всем участникам взятия Берлина, прислать в редакцию свои воспоминания о тех событиях. Он, взяв за основу свой дневник, написал письмо в редакцию, но долго, чего-то стесняясь, не решался его отправить. В конце концов он все-таки опустил конверт в почтовый ящик. В «Огоньке» его письмо было опубликовано почти слово в слово, с незначительными правками. Заметка называлась «В тот день мне исполнилось шестнадцать...».

Для ясности, немного о той поре его жизни, с которой начинается его рассказ. (Хотел написать «поре в жизни отца», но, вспомнил фотографию тех лет и не поднялась рука. Раньше я ее не видел, не так давно эту карточку нам отдала его сестра, тетя Мила. На ней он — мальчишка лет двенадцати, с выгоревшими на солнце светлыми волосами, в мешковатой школьной форме и пионерском галстуке стоит у верстака и шурует напильником по зажатой в тисках заготовке пропеллера для авиамодели. Мальчишка этот чертами лица только слегка походил на взрослого мужчину, каким я знал отца и в то, что это все-таки он, верилось с трудом.) Детство его проходило в тогдашнем Подмоскovie, в районе железнодорожной станции Лось. Жили они втроем с младшей сестрой и мамой — учительницей русского языка и литературы. Его отец, как сказала ему мама, незадолго до войны уехал в командировку, а потом после того, как началась война прямо оттуда ушел на фронт и, похоже, пропал без вести или погиб, так как писем от него не было. При этом сама она зачем-то сменила свою фамилию на девичью. Будучи мальчишкой он, ясное дело, горел желанием «отомстить за отца фашистам». Говорю об этом, чтобы было понятно, что двигало им в те годы. Об истинной истории своего отца, как будет видно дальше, он узнает только после войны. Вот ведь перипетии судьбы, «не тем, оказывается, мстил» (его выражение). Ну да ладно, пора переходить к его рассказу. Итак.

От Вислы до Берлина

1941. Весной окончил четвертый класс и, чтобы не болтался дома, мама меня отправила погостить к своей сестре, тете Насте, в Наро-Фоминск. Она, также, как и мама, работала учительницей. Наро-Фоминск второй представлял собой танковый военный городок. Какая была радость! Все лето я должен был провести среди военных. Целыми днями кружился около часовых, охраняющих территорию, где проживали семьи комсостава. Но гостить долго не пришлось, началась война. Я лежал и читал какую-то книгу, когда по радио объявили о том, что Германия вероломно напала на нашу страну. Вскочил, выбежал на улицу. У столба с громкоговорителем стояла толпа, лица у всех были хмурые. Война! Война! Только о ней и разговоры. Все военные бросились бегом в расположение части. Кругом слезы. Для многих семей разлука эта была навсегда. Через два-три дня меня отправили домой. На станции грузили на платформы танки. Эх! Уехать бы мне с ними, да разве возьмут? С тех пор у меня зародилась мечта попасть на фронт и стать танкистом. И в дальнейшем я все же свою мечту осуществил. А тогда, июньским днем 1941 года, ожидая поезд на Москву, я с жадностью смотрел, как грузят танки. В такой близости я их видел впервые и казались мне они гигантами, которые могут сокрушать все на своем пути. Впоследствии, когда я узнал их марки, оказалось, что это были просто средние и легкие танки БТ-7 и Т-26.

В ближнем Подмосковье, где мы жили, война не чувствовалась так, как в военном городке. Но через месяц была первая бомбежка Москвы. Во время нее я стоял, разинув рот на улице и чуть не стал жертвой осколка зенитного снаряда, который врезался в землю в нескольких сантиметрах от меня. Стали рыть бомбоубежища. Помогал, как мог. Создавались дружины при домоуправлениях, был связным. Дежурил за маму на крыше, во время налетов.

Постепенно война начинала чувствоваться здесь все больше. Нехватка продовольствия заставила перейти на карточки. Да и полеты немецких стервятников скоро стали чаще беспокоить жителей, загоняя их в метро и бомбоубежища. Москва яростно готовилась к обороне. На улицах воздвигались баррикады, на перекрестках ставили железные «ежи». Поля оцетинились кривыми рядами надолбов. Спешно рылись противотанковые рвы и окопы. А немцы все ближе и ближе. Приближение немцев воспринимали по-разному. Многие спешно эвакуировались в восточные области. Некоторые просто бежали из Москвы, в особенности во время паники 16 октября, когда были остановлены все предприятия и рассчитаны их работники. В тот день паникеры кричали, что через два часа немцы будут в городе. Были и такие, которые, притаившись, ждали прихода немцев. Но большинство готовилось к обороне. А фашисты так до Москвы и не дошли, их остановили у самых ворот, в нескольких километрах от столицы. Жили мы в городе Бабушкине по Ярославской дороге и до нас день и ночь доносилась канонада с фронта. Эх! Как хотелось мне туда, чтобы с оружием в руках защищать Родину. Сколько раз просился у воинов, проходящих мимо частей, чтобы взяли меня с собой. Но везде получал один и тот же ответ: «Мал еще! Подрасти, еще успеешь!». А войска все шли и шли.

Вскоре немцев под Москвой разбили, и они покатались на запад. Я не выдержал. Была не была! Решил бежать из дома, добраться до фронта и, выдав себя за сироту, проситься в какую-нибудь часть. Сделал себе вещмешок и стал потихоньку от матери откладывать куски хлеба. В первых числах марта 1942 года тронулся в путь, оставив дома записку, что, мол, мама, не беспокойся, я ушел на фронт. До Кунцева дошел пешком. Потом, выйдя к какой-то станции, доехал до Наро-Фоминска на поезде и вместе с несколькими попутчиками, которые шли менять вещи на продукты, пошел в направлении города Боровска. И вот, мне пришлось впервые увидеть места боев. Снег начал под солнцем уже оседать, и кругом трупы и трупы. И нет им конца. Брошенная и побитая техника. На окраине Боровска — наш подбитый броневик. Перед Боровском два сгоревших немецких танка. Страшно, но решил путь продолжать. Дошел

до станции Балабаново. Дальше идти не могу, стер ноги. Кое-как добрел до села Белоусово и на развилке Варшавского шоссе и дороги идущей на Угодский завод, долго стоял, раздумывая, что делать. Идти дальше на Малоярославец не могу, стерты ноги, да и продукты кончаются. Решил завернуть на Угодский завод, там жила другая мамина сестра, тетя Зина. Думал, что, как подживут ноги, тронусь дальше. Но этому не суждено было сбыться. Дней через двадцать мама прислала письмо, просила вернуться. Да тут еще уговоры тети. Пришлось отправиться домой. В конце апреля был уже в Бабушкине и продолжал учиться в пятом классе. А через год, мол, подрасту, будет почти 14 лет, и попытаюсь снова добраться до фронта.

Чтобы перейти в шестой класс, пришлось нажать на учебу. Но вот наступило лето. С питанием стало лучше. Собирали с сестрой щавель. Пошли грибы, мы ходили за ними в лес. Школьников привлекали на работы в ближайший колхоз на прополку. Кормили обедом из заправленных постным маслом ботвы свеклы с крупой, и кусочка хлеба. Потом началась уборка картошки и разрешали взять несколько штук домой. Осенью классами ходили на ее сортировку для воинской части. Там нас кормили картошкой-пюре со свиной тушенкой. До морозов на наш небольшой рынок колхозники привозили овощи. Покупали мало. На нищенскую учительскую зарплату много не купишь. Наступила зима, и мама, по очереди с другими учителями, стала ездить менять все, что можно на продукты. Отвезла даже самовар. А мы с сестрой неделями жили одни, ходили по карточкам в столовую. Оторвут талончики, заплатишь в кассу и получишь обед. Приезд мамы был для нас праздником. Привозила зерно, иногда мясо — в основном, конину. Еще летом я сделал ручную мельницу, как у других. По очереди с сестрой крутили ручку, получалась и мука, и дробленка. Мама пекла пироги с картошкой или капустой, варила суп и кашу. В школе с началом занятий нас тоже стали подкармливать, давали по 100 граммов хлеба.

А с фронта приходили тревожные вести. Если на запад от Москвы велись бои местного значения, то на юге бои шли тяжелые. Немцы рвались на Кавказ за нефтью, шли бои за Сталинград. В школе ввели занятия по военному делу. Преподавателем стал офицер, раненый на фронте и комиссованный после лечения в госпитале. Очень толково преподавал. Полюбили его все — и ребята, и девчата. Им он рассказывал, как оказывать первую помощь, как перевязывать. А нас знакомил с минами, как их можно обнаружить, как обезвредить. Но не советовал, так как у них имелись дополнительные взрыватели, срабатывающие при извлечении мин. Рассказывал, какие орудия и танки у нас и у немцев. О боях, в которых участвовал, о положении на фронте. Умер он, как мама мне потом написала, осенью 1943 года, так и не побывав на своей родине, где-то в западных областях России.

Разгромили немцев в Сталинграде, прогнали с Кавказа. Так и война закончится, а я не повоюю. Прошел почти год с моего первого похода, скоро будет 14 лет. И я снова стал собираться на фронт. На этот раз не один, а с одноклассником Васькой Нестеровым. Но в последний момент он струсил, и пришлось мне уходить одному.

Книги

Его тянуло к приключениям, не в смысле к приключениям на свою голову (хотя и это тоже, как без этого?), а скорее к чему-то нетривиальному, уводящему от повседневности. Откуда это взялось? Думаю, из книг соответствующего жанра, прочитанных отцом в детстве и юности. От впитанного из них завелась авантюрная жилка в его характере, первый раз в двенадцать лет утащившая его на войну, второй — в тринадцать, а затем, уже в мирное время, заставившая мотаться по горам Кавказа в составе геологоразведывательной экспедиции. Пульсация этой жилки, а также любовь к природе вообще и к лесу в частности, также почерпнутая им из книг, уверен, занесла нас в отдаленную подмосковную деревню Гусенки. Я знаю это потому, что в какой-то момент он переключил на литературу подобного рода и нас с братом, после чего мы, можно сказать, стали дышать с ним одним воздухом.

Мне было лет девять-десять, когда отец как-то поинтересовался, что мы в данный момент читаем. Мы ответили, что в основном сказки, мы тогда были увлечены книгами А. Волкова из серии «Волшебник Изумрудного города», ну и еще то, что проходим в школе. «Сказки это, конечно, хорошо, школьная классика тоже неплохо, но это не то, — сказал он. — А попробуйте-ка почитать кое-что другое, потом, точно говорю, за уши не оттащишь». Мы спросили, что же это за книги, он стал перечислять незнакомых нам авторов: Александр Дюма, Майн Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон, Жюль Верн, Луи Буссенар, Арсеньев. Особенно рекомендовал «Дерсу Узалу» последнего (помню, нас еще удивило странное название), но начать посоветовал с «Трех мушкетеров». На вопрос где их взять, он сказал: «Пойдем посмотрим, что-то у меня должно быть», — и направился к книжному шкафу. В свое время отцу удалось собрать неплохую библиотеку, на полках стояли, в том числе, серо-зеленые тома полного собрания сочинений Льва Толстого, желтые Алексея Толстого (восьмой том мы знали хорошо, так как в нем были сказки), синие Мамина-Сибиряка, кого-то еще, сейчас не вспомню, много книг вразнобой, то есть не в собраниях.

Надо отметить, что в то время, с книгами в стане была беда, купить что-то стоящее в магазинах было невозможно. Там пылились сочинения Ленина, Маркса, каких-то современных советских писателей, чьи имена и названия «произведений» ни о чем не говорили. И все. Впрочем, нет, не совсем все. На отдельных полках, как правило, за спинами продавцов, стояли другие книги, среди них встречались и написанные авторами, которых назвал нам отец. Но продавались они по какой-то неведомой «подписке», во всяком случае, кто и как может стать ее счастливым участником, родители нам с братом объяснить не смогли. Оставалось только приходить в книжные магазины и, стоя возле прилавка, любоваться красивыми переплетами, представляя, как было бы здорово открыть одну из этих книг и, вдыхая волшебный запах свежей типографской краски, с головой погрузиться в похождения ее героев. Макулатуро-талонная компания, охватившая всю страну (охватившая именно благодаря тотальному дефициту хороших книг) и открывшая хоть какую-то возможность обладания вожаемыми томами, случилась позже, а в то время найти что-нибудь действительно интересное можно было только в библиотеках, да в частных коллекциях, собранных ранее.

Впрочем, с библиотеками тоже было не все так просто. Интересные, а стало быть, популярные среди читателей книги постоянно были «на руках». Позже мы узнали, что, когда их, прочитав, сдавали, библиотекаря придерживала их в своем столе, не выставляя в стеллажи, и по каким-то только ей известным признакам, определяла следующего кандидата, достойного нескольких дней увлекательного чтения. Их, книги эти, можно было легко отличить от прочих. Видно, то, что тогда переиздавалось, до библиотек не доходило, поэтому были они зачитанные-перечитанные, с местами порванными, но аккуратно подклеенными пергаминами переплетами и с выпадающими листами. Но их чтение от этого не становилось менее завораживаю-

щим. Было только обидно, когда на самом интересном месте (а в них, как правило, все места были интересными) не хватало нескольких страниц.

Но библиотеки для нас с братом были позже, а тогда отец долго копался на полках, выдвигая книги из первого ряда и заглядывая во второй, но нашел только одну из тех, что искал. Это был толстый, изрядно потрепанный том из собрания сочинений Майн Рида, в красном жестком переплете. На корешке черным были нарисованы пальмы, указана фамилия автора и значилась цифра «3».

— Вот, пока только эта, — озадаченно сказал отец и протянул книгу нам, Сашка взял ее и начал листать. — Странно, было же шесть томов. И Купера тоже, чего-то не видать. Наверно, дал кому-то почитать, надо вспомнить кому.

— Вот, всегда ты так Виталий, — заметила мама, она вошла в комнату, заинтересовавшись копошением отца на книжных полках, — всем все раздаешь. Тебе когда-нибудь, кто-нибудь, что-нибудь дал? Только ты всем. Вот и «Консуэло» кому-то отдал, а какая книга была!

— Книги нужны для того, чтобы их читали, а не для того, чтобы они на полках стояли, — резонно ответил на это отец. — Схожу и заберу, надо только вспомнить кому отдал. И «Консуэло» тоже.

— Охотники за растениями, — вслух прочитал название Сашка. — Это что, про ботаников каких-нибудь? — добавил он разочаровано, науку о растениях он проходил тогда в школе и восторга она у него не вызывала.

— Ни про каких, не про ботаников, — сказал отец, — вы читать начните, потом, говорю, за уши не оттащишь.

Он оказался прав, начав читать мы поняли значение его выражения. «За уши» нас никто не оттаскивал, но читали книгу мы запоем, по очереди и вместе, вслух друг другу, и каждый про себя, за едой и вечером, уже устроившись в кровати, пока мама в «принудительном порядке» не выключала свет. У отца же с этого дня начались хождения по поселку в надежде на возвращение своих же собственных книг. Походы эти были не сказать, чтобы удачными. Иногда в них принимали участие и мы с братом. Помню такой. Приятель, которому отец отдал, посоветовав прочитать, одну из книг, кажется, тех самых «Трех мушкетеров», жил на окраине поселка в собственном доме, в так называемом «частном секторе». Мы подошли к забору из заостренного сверху деревянного штакетника. Небольшой, одноэтажный, крашенный синей краской дом, располагался в глубине участка, спрятанный за яблоневым садом и росшими вдоль забора кустами малины, смородины и крыжовника. Отец, сказав, что нечего «переться всем табором», почему-то оставил нас у дороги. Сам направился к крыльцу. Ждать пришлось недолго, минут через пять он вышел. За ним, притянутая пружиной, сухо стукнула деревянная калитка. Книги в руках у отца не было.

— Говорит, что отдал кому-то почитать, — невесело сообщил он, — обещал принести, когда вернут.

«Трех мушкетеров» мы так и не дождались. К нашему общему с отцом огорчению, результат был почти везде одинаков. Книги передавались от одних к другим, а кто-то, возможно, просто не отдавал — оставлял себе. Короче, из всей коллекции приключенческой литературы отцу удалось вернуть лишь первый из шести томов собрания сочинений Фенимора Купера, а именно тот, что со «Зверобоем» и «Последним из могикиан», да так полюбившуюся маме «Консуэло» Жорж Санд. Все три книги (сочинение Санд в двух томах) в довольно плачевном состоянии. Остальные, включая несколько книг Дюма, оставшиеся тома Купера и Рида и какие-то еще (отец сам помнил не все), растворились среди населения поселка, а возможно и отправились в странствие за его пределы.

Надо ли говорить, что «Зверобой» и «Последний из могикиан» были буквально проглочены нами за несколько дней. В них мы с удивлением обнаружили Чингачгука — Большого змея, знакомого нам по одноименному фильму в исполнении Гойко Митича и популярного

среди наших сверстников. Правда, роман и кино имели лишь отдаленное сходство. Отцу книги не вернули, но, глотнув с его подачи воздуха приключений, мы с братом уже не могли остановиться. Пришлось стучаться в двери библиотеки, а точнее в сердце ее хозяйки. Но ничего, через некоторое время лед был растоплен, пройдя через испытание менее дефицитными Лондоном и Ридом, вернув книги в срок и пройдя небольшой устный экзамен в части их содержания (ей необходимо было убедиться, что книги в самом деле нами прочитаны), мы были приняты в клуб «достойных» и получили доступ к Дюма, Жулю Верну и Куперу.

Особенно мы «подсели» на «индейскую» тему. Возможно потому, что у нас к тому времени уже были Гусенки и, читая про похождения Натти Бампо и его друзей-индейцев, мы с легкостью могли представить девственные леса где-нибудь на берегах Онтарио, ассоциируя их с хорошо нам знакомыми безлюдными, закрытыми кронами высоких деревьев от солнечного света, пахнущими мхом и осыпавшейся хвоей лесными дебрями российской средней полосы. Было больно читать «Пионеры», зная, что это последняя книга про полюбившегося Следопыта-Зверобоя-Кожаного чулка, но оказалось, что на полках поселковой библиотеки это не последняя книга о североамериканских аборигенах. За Купером последовали Сат-Ок, Серая Сова и Джеймс Шульц. Постепенно мы добрались до «Рольфа в лесах» и «Маленьких дикарей» Сетона-Томпсона с замечательными рисунками автора. Это было не совсем «про индейцев», но это было то, чего нам не хватало на тот момент. Мы узнали, как добывать огонь трением, делать луки, шить мокасины, ставить вигвам и много чего еще, что важно для жизни в лесу.

Почему говорю обо всем этом здесь? Потому, что отец поддерживал нас во всех наших начинаниях подобного рода. Скорее всего, он и сам не прочь был принять участие в наших играх, но в силу возраста и отцовского статуса не мог себе этого позволить. Он давал нам советы, как лучше сделать лук и стрелы, раскроить, из принесенных им откуда-то обрезков кожи, мокасины, где-то «достал» большущий кусок брезента для постройки вигвама, который мы с соседскими мальчишками воздвигли во дворе, и наконец, привез нам из командировки, кажется из Рыбинска, два небольших цельнометаллических топорика, с залитыми резиной ручками, один в один — томагавки. Он нас поддерживал, мы же отблагодарили его с детской непосредственностью. Пиком нашего увлечения индейцами и жизнью в дикой природе стало то, что брат Сашка сбежал из дома. Сбежал в лес.

От Вислы до Берлина

И вот, распрощившись с друзьями, Толькой Прокофьевым и Марком Кушинским, попросив передать маме, что я ушел на войну, в середине марта 1943 года я тронулся в путь. Решил добираться через Тулу до Мценска, там тогда проходила линия фронта. Кое-как, где поездом, где на попутной машине, а где и пешком, добрался до Тулы. Был вечер, темно. У встречной женщины спросил, где находится железнодорожный вокзал, хотел там переночевать. Подробно расспросив, она отвела меня к своей сестре, где я и прожил около трех недель. Женщина работала директором ателье, в котором офицеры из воинских частей перешивали обмундирование. После разговора с одним из них, старшим лейтенантом Сулимкиным, меня, получив согласие мамы, взяли воспитанником в 116-ый дорожно-эксплуатационный отдельный батальон. Командовал им капитан Семенов. В батальоне было две роты, небольшой обоз, несколько автомашин и один трактор. Нашей первой ротой командовал старший лейтенант Гаджула, политруком был ст. лейтенант Сулибкин. Рядовыми в основном служили пожилые дядьки, чувашки по национальности. Кроме того, в роте было несколько женщин: три регулировщицы, повар, медсестра и фельдшер. То же самое было, наверное, и во второй роте. Обмундировав, старшина роты Силин повез меня на велосипеде за 6 километров в Тулу попрощаться с хозяйкой. И какой же я неотесанный! Попрощавшись и взяв свой мешок, не отдал деньги, которые прислала мне мама. Торопил Силин, и я о них забыл. А также не взял адрес.

Задачей батальона было идти за фронтом, ремонтировать дороги, небольшие мосты, и регулировать на них движение транспорта. Через некоторое время я настоял на том, чтобы меня из связного ротного перевели в регулировщики. Так я из воспитанников стал самым настоящим бойцом. А какой же боец без оружия! Обратился к командиру роты. Он отдал свой ППШ, который был единственным на всю роту, но без патронов. У всех были винтовки. Патроны я выменял, потихоньку от ротного, у одного из деревенских мальчишек на ножик. Потом, под Жлобином, я вернул ППШ командиру роты, взяв для себя у обозника лишний автомат.

В конце мая — маршем из Тулы в Калугу. В начале июля — из Калуги ближе к фронту. До наступления на Орловско-Курской дуге располагались в какой-то большой деревне. Хорошее было время. Рядом — лес и нас частенько посылали за грибами. Питание было хорошее. Мужики уходили ремонтировать дороги и небольшие мосты, а меня ставили дневальным в большом амбаре, где располагалась почти вся рота, или часовым у крепкого сарая, где находились ее боезапас и имущество.

В августе раздалась далекая канонада, и нас маршем направили в сторону фронта. Мы прошагали по вновь наведенному мосту реку Жиздру и прошли бывшую немецкую оборону. Обе наши роты шли по параллельным дорогам, почти не соприкасаясь друг с другом. Выставляли посты на объездах разрушенных и еще не разминированных мостов, на дорогах, проходящих среди минных полей. Когда дежурил у одного моста, остановилась автомашина. Солдаты решили оправиться. Предупредил, что мост может быть заминирован. Но один пошел под мост. Взрыв, крик и волокут солдата без ступни. В другом месте двое связистов вели связь по кювету. В 25—30 метрах от меня у них под ногами хлопок, выскакивает мина-лягушка, и оба ранены. Когда раздался хлопок, я брякнулся на дорогу, шрапнель пролетела надо мной.

Кругом — ни одной целой деревни. Только печные трубы да остовы кирпичных домов. Неубранные поля, огороды, и нет ни жителей, ни скотины, ни собак. Угнали немцы всех. Было жарко, все время хотелось пить, а воды нет. Колодцы взорваны или засыпаны. В один из таких колодцев, в котором на дне виднелась солома, решили спустить меня. Спустили, под соломой протыкивается какое-то животное или еще что-то. Закричал благим матом, вытащили. Воду набирали в ручьях и кипятили.

В Брянске нам дали полмесяца отдохнуть и дальше — марш от Брянска на Гомель. Не доходя до Гомеля, в городе Добруш свернув направо, вдоль реки Сож, пошли в местечко Ветка. В центре Добруша — виселица. На ней болтаются повешенные бургомистр, начальник полиции и двое или трое полицейских, участвующих в расстрелах. Ветка встретила нас недружелюбно. Частые обстрелы из минометов, шальные пули на излете из-за реки. На окраине — несколько сгоревших домов.

Дом культуры

Первые картинки с участием отца, относятся к концу шестидесятых — началу семидесятых. Они всплывают в памяти ясно, но не очень четко, с немного размазанными контурами. Две из них связаны с одним местом — площадью перед поселковым Домом культуры или, как его еще называли, Клубом. Они похожи на детские рисунки, где очертания фигур старательно, с перехлестами, заштрихованы цветными карандашами нетвердой рукой маленького художника. Почему именно с Домом культуры? Может быть потому, что это была главная площадь поселка, где в праздники собирался народ, а по выходным показывали кино? Может быть, сказать трудно, память штука избирательная и непредсказуемая. Клуб находился недалеко от нашего дома, шагах в ста через небольшой тополиный сквер. Точнее шагах в ста взрослого человека, моих в том возрасте раза в три больше. Дом культуры представлял собой большое, фундаментальное четырехэтажное здание с фасадом, украшенным колоннами, их резные верхушки можно было разглядеть, только сильно задрав голову вверх или отойдя подальше. Ко входу вели ступеньки, входная дверь, помещавшаяся за колоннами, была огромной и тяжелой, и открыть ее самостоятельно я не мог, сколько не пытался тянуть за длинную медную ручку, до которой с трудом доставал. На фасаде красовался кумачовый транспарант с белой надписью, должно быть что-то вроде «Слава труду». На площади, перед входом в Дом культуры на постаментах стояли две гипсовые фигуры в человеческий рост. Справа от входа статуя, изображавшая читающего книгу юношу. Слева — девушку с устремленным вдаль взглядом, со свертком ватманских листов под мышкой. Рядом с постаментами росли невысокие ели, за ними, если смотреть от Дома культуры, овальные клумбы с цветами. Между статуями широкий проход вел к главному входу. Вся площадь перед зданием, за исключением, разумеется, клумб, была заасфальтирована.

Выходной, потому что день, а я не в детском саду. Мы с папой идем откуда-то вдоль клумбы, которая упирается в постамент с молодым человеком, той, что ближе к нашему дому. На дворе конец шестидесятых, мне года три. Погожий майский день. Весна полностью вступила в свои права, а стало быть: воздух свеж и прозрачен, небо бесконечно голубое, заливи-сто щебечут птицы, молодые деревца, высаженные вокруг площади, покрыты недавно скинувшими почки светло-зелеными листьями. Желтые стены Дома культуры, его белые колонны и белые же гипсовые статуи в ярких солнечных лучах по-особенному праздничные. Настроение радостно-счастливое, впрочем, от этой картинке и сохранилось в основном оно — это настроение. В детстве, особенно раннем, оно, как правило, бывает одним из двух: либо радостным, когда все хорошо и замечательно, либо подавленным, когда весь мир против тебя. Впрочем, скорее, в памяти просто остаются два эти состояния, остальное со временем стирается. В этот раз все замечательно. На улице тепло, пальтишко уже можно не надевать, и я только в рубашке и штанах. От этого чувствую себя особенно легко. Иду, держу папку за руку, точнее он меня держит, потому что для того, чтобы обхватить его руку моя ладонь маловата. Папа большой, высокий, мои глаза где-то на уровне кармана его брюк. Поняв, что мы минуем Дом культуры, поднимаю голову, смотрю на папу, вижу уходящую вверх руку и его лицо снизу, наполовину заслоненное плечом. Тяну его за руку с вопросом-требованием:

— Пап, подем домкутуыагазин?!

— Что, сынуля? — отец смотрит на меня, явно не поняв вопроса или не расслышав его.

— Подем домкутуыагазин? — повторяю я, уже только с вопросительной интонацией.

— Куда пойдем? — не понимает он.

— Домкутуыагазин, — повторяю я, глядя на папу широко раскрытыми глазами, удивленный его непонятливостью.

— Нет, мы сейчас никуда не пойдем, — похоже, он так и не понял, куда я его зову. — Потому что, Лё-малё¹, мы идем домой.

Дома дешифровкой места, куда я звал отца, занялась мама. Для нее это не составило труда. Когда я повторяю ей свое изречение, она меня спрашивает:

— Наверное, Дом культуры-магазин?

Я утвердительно киваю, удивленный тем, что не был понят раньше. Все же так просто.

— Но в Доме культуры нет магазина! — говорит отец.

— Зато там есть буфет, — отвечает ему мама. — Ты на майские, когда с детьми гулял, в Клуб заходил? Со своими друзьями там пиво пил?

— А ты откуда знаешь?

— Знаю.

— Ну да, — он как будто оправдывается за что-то. — Выпили по паре бутылок, не больше.

— Ребятам чего-нибудь покупал?

— Конечно, конфеты, — папа смотрит на меня. — Вкусные были? Понравились?

— Угу, — говорю я.

— Вот тебе и Дом культуры-магазин, — выносит вердикт мама.

— Вообще, Виталий, не бери ты с собой детей, если с кем-то выпиваешь. Какой пример ты им подаешь?

— А что в этом такого особенного? — удивляется отец. — Это же Дом культуры!

Тут в моей памяти всплывают ощущения того самого буфета. Дети мыслят образами, и когда я звал отца пойти туда, я, наверное, не особо отдавал себе отчет, куда его тяну, действовал, так, на уровне рефлексов. Теперь же передо мной видением всплыла металлическая ножка стола, круглая крышка которого, похожая на шляпку гриба-гиганта, находится над моей головой. Справа брат, он выше меня, столешница у него на уровне глаз. Вдалеке за стеклянным прилавком буфетчица в белом кружевном чепце и фартуке того же цвета. Вокруг стола, стоят четыре пары одетых в брюки мужских ног, переходящих в тела и обрывающихся где-то чуть выше живота. Дальше мне не видно за столешницей. Слева в коричневых штанах — это папины ноги. Сверху слышится гул разговора, звон бутылок и стаканов. В воздухе витают сизые клубы сигаретного дыма. У меня в руке развернутая до половины, чтобы было за что держать и не измазаться, уже надкусанная, большая шоколадная конфета с Гулливером и лилипутами на желтом фантике. Во рту вкус этой конфеты.

Подумав, папа добавляет:

— Это я им показываю, как делать не надо.

¹ Так он называл меня, думаю, в сочетании с моим именем, за песню без слов, которую я тогда любил петь. Слышалось это примерно так: «Лём, лёт, чомто сиёт, лёное моле ги». Точнее, без слов она была только в моем исполнении, в оригинале же это звучало как: «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги».

От Вислы до Берлина

После Орловской области сгоревших деревень не встречалось. Фронт на запад двигался быстро, и немцы успевали уничтожать только промышленные предприятия, рвали железнодорожные пути, станции. Плугом, прицепленным за мощный паровоз, ломали шпалы, уничтожали мосты. В Ветке рота расположилась в крайних целых домах, и неудачно. Мимо них проходила дорога на переправу, которая обстреливалась из минометов. Обстрел был сильным, в особенности, когда из подъехавших «Катюш» был дан залп. Они сразу уехали, а нам пришлось прятаться по щелям и блиндажам. Трое из нашего взвода были ранены, политкомвзвода — тяжело. Хорошо, что медсанбат был рядом.

Мой пост был на перекрестке при въезде в местечко, указывал дорогу на переправу. Переправа была — натянутый через реку трос, и к нему привязаны поплавки из досок. Если идти с тяжелой ношей, то поплавок заливала вода. На площадку перед рекой по одной подъезжали машины, быстро разгружались и уезжали. За рекой днем и ночью грохотал плацдарм. Цепочкой подходили солдаты, хватали снаряд или ящик с боеприпасом, и бегом по щитам на тот берег. Добежал — остался цел, упал — значит, утонул. Немцев постоянно бомбили самолеты. Говорили, что марки они американской — «Бастоны». Мой друг Володя, который мне помогал на маршах — то поможет нести противогаз, то автомат — погиб от разорвавшейся рядом мины. Легко ранило и меня в шею, пуля сзади чиркнула. В медсанбате сделали перевязку и хотели отправить в госпиталь. Сказали, что нужен рентген. Потихоньку ушел и долечивался у себя в части. Боялся — из госпиталя отправят домой, а я еще не убил ни одного фашиста.

Опасаясь окружения в Гомеле, немцы покинули город. Батальон двинулся в направлении города Жлобин на реке Днепр. Штаб и наша рота остановились в большой разделенной на две части неглубоким оврагом деревне, в нескольких километрах от Днепра. Деревня, или вернее две, называлась Скепня Первая, а за оврагом была Скепня Вторая. Когда входили в Первую, вблизи на огородах взорвались три артиллерийских снаряда. Значит, немцы были недалеко от нас. Вторая рота по дороге, идущей влево от Скепни, ушла за Днепр, где наши войска продвинулись вперед на запад. А напротив деревни, по нашей стороне, начинался немецкий плацдарм, уходящий от Жлобина в сторону города Рогачев.

Поставили меня на пост при въезде в деревню на развилку дорог вместе с тремя деваха́ми — Лизой, Шурой и Машей. Лиза и Шура часто уединялись с офицерами или начальниками проходящих мимо автоколонн в соседнем холодном покинутом доме. Маша держалась. Наступили холода. Когда не было на дороге движения, грелись в угловом доме, сидя у окна. Хозяева дома были эвакуированы, и мы, пока хватало дров, топили печку. На празднование Нового 1944 года Лизу и Шуру пригласили во вторую роту, а Машу — нет. В помощь нам дали бойца, с которым мы по очереди дежурили на перекрестке. Маша забралась на печку и всю ночь проплакала. Пришлось дежурить вдвоем. Хорошо, что в тот раз размещались мы в доме неподалеку, в нем была хозяйка, она поддерживала в печи огонь. Был сильный мороз, больше часа стоять на перекрестке не могли. Только зайдешь в дом, согреешься и задремлешь, как за тобой уже пришел сменщик. После Нового года не выдержал, упросил командира роты перевести меня на другой пост. Перевели на дорогу, по которой шло снабжение частей, стоящих в обороне перед немецким плацдармом. Если за Днепр это делалось автотранспортом, то здесь гужевым, на санях. На передовой почти не стреляли, но все равно везли боеприпасы, продукты. Обратно везли редких раненых. Шли небольшие колонны солдат на пополнение. Зато в Рогачеве весь январь шли бои. Доносились звуки канонады, ночами виднелось зарево. В начале февраля Рогачев был взят и, как говорили, подошедшими штрафниками.

В эти дни у меня случилось ЧП. На деньги, присланные мамой еще в Тулу, я у одного оружейника купил старенький бинокль. При одной из проверок заместитель ротного, старший

лейтенант Кузнецов, решил его у меня отобрать. Солдату не положено иметь, а ему — крохобору-партийцу — можно. Повесишь на грудь и сойдешь за офицера-фронтовика. Я выхватил из кармана немецкую гранату-яйцо, отвинтил пробочку. Оставалось только дернуть шнурок и бросить ему под ноги. Во время перепалки с ним подумал, что пострадает и хозяйка, и дом, и я сам. Отдал ему и лимонку, и бинокль. После жалел, что не разбил в нем линзы. Кузнецов забрал его, конечно, себе, так как случай этот огласки не получил.

Гусенки

В поселке, где мы жили, не иметь подсобного хозяйства, было, можно сказать, дурным тоном. Живность в сараях, огородики под окнами двухэтажек, зимние запасы в погребах — все это являлось неперенными атрибутами, показателями рачительности, хозяйственности, а стало быть, порядочности семьи. Но было еще одно всеобщее поветрие, а именно — летний сбор грибов и ягод. Тихая охота. Оно и можно понять, в магазине за все надо платить, а в лесу все растет совершенно бесплатно. Сегодня тоже есть любители побродить по лесу в поисках даров природы, но это так, хобби, тогда же это делалось если не в промышленных масштабах то, как минимум, в объемах создания семейных запасов на конец осени, зиму, весну и начало лета, то есть до наступления следующего сезона. Грибы солили и мариновали. Из ягод делали варенье и компоты, их перетирали и засахаривали. К середине осени полки в погребах заполняли ровные ряды стеклянных банок, закатанных металлическими крышками. Соседи хвалились собранным урожаем друг перед другом, в том числе и перед нашими родителями, а те делились услышанным между собой. До нас с братом периодически доносилось из их разговоров, что, мол, тот-то набрал и привез корзину, две, три... грибов, а те-то сумели где-то набрать столько-то черники, малины или брусники. Это было, как команда к действию. Команда, что надо срочно срываться и в ближайшие выходные спозаранку стартовать в лес, пока все не собрали. Стоило кому-нибудь произнести заветную фразу: «Грибы (ягоды) пошли!», как у людей загорались глаза, они хватали свои, приготовленные заранее корзины, бидончики и ведра, и устремлялись в лес, в надежде ухватить свою часть бесплатных природных богатств.

В лесу, что окружал поселок, тоже были и грибы, и ягоды, но их на всех не хватало. Тем более, если учесть, что к местным жителям добавлялись десанты собирателей, наезжавшие из столицы. В результате, особенно в выходные, «охота» здесь оказывалась не совсем «тихой» — со всех сторон слышалось: «Ау-Ау». Как говорил отец: «У нас в лесу грибников, больше чем грибов». Другое дело, если была возможность отъехать подальше от Москвы, километров, эдак, на восемьдесят-сто. Там, вокруг полузабытых деревушек, стояли безлюдные леса, в которых землю ковром застилал низкорослый кустарник, обсыпанный шариками синей черники, бордовой брусники или темно-красной клюквы. От зарослей малинника исходил дурманивший аромат спелых ягод, а на опушке можно было запросто наткнуться на выводок рябчиков, которые вдруг шумно взлетали из травы под ногами и, прошуршав в листве, рассаживались на ветках стоящих рядом деревьев. Про грибы и говорить нечего, вернуться из леса без полной корзины, было трудно даже незадачливому грибнику.

Именно такой в ту пору была деревня Гусенки. Когда-то довольно большая, домов двадцать, стоящих вдоль главной и единственной улицы, она к тому времени опустела. Молодежь разбежалась по городам. Стариков, тянувших из последних сил хозяйство, уже почти не осталось в живых. Постоянно, то есть, с зимовкой, здесь жили всего в четырех-пяти домах, в пару навещались только летом, используя их в качестве дач, остальные, в том числе деревянное здание бывшей школы, стояли перекосившиеся, полуразрушенные, с провалившимися крышами и с заросшими бурьяном участками. Аборигенами деревни были глубоко пожилые люди, привыкшие к деревенскому укладу и не представляющие себя вне его, да семья вечно пьяного, постоянно матерящегося на свою лошадь пастуха. Его зычный голос вкупе с выстрелами звывавшими щелчками кнута, скользя по утренней росе, гулко разносились по окрестностям.

В первый раз мы оказались в Гусенках благодаря совету кого-то из знакомых отца. Место это сразу влюбило в себя наших родителей, а учитывая то, что прямо за деревней протекала река Дубна, из которой можно было не вылезать целый день, и нас с братом тоже. Смущало только одно обстоятельство — деревня находилась километрах в семидесяти от поселка и туда, как, вздыхая, говорили отец с матерью, «одним днем не наездишься». Получить ключок

земли, чтобы обосноваться там капитально, несмотря на то, что деревня стояла почти пустая, в то время было делом непростым, если вообще возможным. К тому же соорудить что-либо, даже на имеющейся земле, было тогда делом накладным, материалы для стройки купить было тяжело, и даже счастливчики, имеющие участок под постройку, возводили свои дачи из того, что удалось «достать» и «урвать».

Выручил геологоразведочный, а может быть в чем-то и военный опыт отца. Он раздобыл брезент (такой плотный материал, пропитанный от промокания чем-то резко пахнущим, от этого запаха не спасало никакое проветривание), из которого они с мамой выкроили и сшили палатку. Вопрос где ее ставить решился легко. Приятель, который изначально посоветовал отцу съездить в Гусенки, познакомил его с престарелой четой местных жителей. Звали их дядя Миша и тетя Оля. Они и предложили нам разбить палатку возле их дома, рядом с колодцем, которым можно было пользоваться «на здоровье». Хозяйство у дяди Миши с тетей Олей было исправное, они держали кур, гусей, с десяток овец и корову. Дядя Миша вернулся с войны слепым, но, несмотря на это, постоянно, что-нибудь мастерил, подвязывал и подбивал. Тетя Оля — жилистая, подвижная старушка, на ее плечах лежали все обычные деревенские женские хлопоты, плюс то, что в силу понятных причин, не мог сделать дядя Миша. Любимой при сказкой тети Оли была: «А простота-то, она хуже воровства», — которую она произносила с заметным северным оканьем. Но, похоже, слова эти служили больше для прикрытия собственного простодушия. Оба, и дядя Миша, и тетя Оля были людьми добрыми, приветливыми и, казалось, несколько не озлобленными жизнью.

Три картинки из раннегусеночной стадии. Первая проявляется в памяти, будто нарисованной той же детской рукой, но теперь акварелью из пластмассовой коробочки с прозрачной, заляпанной разноцветными красками крышкой. Она четко зафиксирована в памяти из-за частого повторения. Картинка статичная, несмотря на движение. Мы едем в Гусенки. Едем на нашем мотоцикле «Иж-Планета», который старательно рычит, перемещая в пространстве всю семью вместе с нехитрым скарбом. Едем молча, потому что за шумом двигателя и ветра в ушах, все равно ничего не слышно. За рулем отец в своем танкошлеме. Он склонился к рулю, в его фигуре чувствуется напряжение под грузом ответственности за нас всех. Позади него мама. Она держится за ручку, вделанную в сиденье перед ней. Мама смотрит вперед из-за отцова плеча, на ее голове полукруглый пластмассовый шлем цвета морской волны с застегнутым на подбородке ремешком. Из-под шлема выбились концы повязанного под него светлого платка, они рвутся назад в потоке ветра. В коляске мы с братом. В силу малого возраста, мы легко помещаемся в нее вместе. Мамиными усилиями мы старательно укрыты дерматиновым тентом, подоткнутым по бокам. Перед нами мутный, надтреснутый щиток из оргстекла, сквозь который неясно видна дорога. Путь довольно долгий и утомительный, на дорогу уходит порядка двух-трех часов. Мы с братом успеваем, как говорил отец «закемарить», проснуться, увидев, что еще не приехали, уснуть снова. В общем, вся наша с братом дорога проходит в полудреме, что неудивительно, учитывая, что для того чтобы выехать пораньше, нас подняли ни свет, ни заря. Так мы клюем носами до выезда на грунтовый проселок. Дальше спать невозможно, потому что коляска то подпрыгивает на кочках, то проваливается в выбоинах, от чего наши головы болтаются из стороны в сторону на шеях-шарнирах.

От Вислы до Берлина

В начале февраля здорово потеплело и снег начал таять. В один из дней, после взятия Рогачева к посту приблизилась толпа человек в двести. Не поймешь, к каким войскам они относятся. Кто в офицерской шинели, кто в бушлате или телогрейке. А один в шинели кавалерийской с саблей на боку. Кто с оружием, а кто нет. За ними — штук пять повозок, не саней, с оружием и боеприпасами. На сваленных у поста бревнах сели отдохнуть. «Кто вы? — спросил я. «Мы — штрафной офицерский батальон» — был ответ. Через несколько дней запылали деревни на немецком плацдарме.

На следующий день разведка обнаружила, что немцы ушли за Днепр, в Жлобин, без единого выстрела, молча. Вечером на санях приехал Кузнецов. «Собирайся, поехали» — были его слова. Оставив возчика вместо меня, тронулись в направлении станции Ветка. К ночи подморозило, было темно. По накатанной дороге лошадь потихоньку бежала. Всю дорогу он молчал, а я и вовсе говорить с ним не хотел. По приезде на станцию он куда-то ушел, а я, дав лошади сена, присоединился к солдатам у костра в кирпичной коробке сгоревшего дома. Часа через два тронулись в обратный путь, и опять молча. С какой целью он заменил возчика, не знаю. Возможно, хотел вызвать какую-нибудь провокацию с моей стороны.

Через два-три дня вместо меня прислали регулировщика, а мне приказали явиться в роту. Попрощавшись с двумя своими напарниками, тронулся в путь. До Скепни Первой километров восемь, из них пять — лесом. Сколько раз я ходил по этой дороге, то за продуктами, то еще за чем. Посылали всегда меня, как молодого и шустрого. На дороге — пушка-гаубица, 203-мм, брошенная нашими при отступлении в 1941 году. На опушке леса — разбитая немецкая легковая машина. У партизана расстреляли жену и детей. Он подкараулил начальника полиции и бургомистра города Жлобин и подорвал их противотанковой гранатой. На противоположной опушке, на стороне Скепни, не менее пятидесяти немецких могил с березовыми крестами. А это, сказали жители, два бойца с ручным и станковым пулеметами расстреляли колонну немцев. Бросив станковый, они прошли мимо деревни. Один нес на плече «Дегтярь», второй ковылял рядом, опираясь на плечо друга. И было это при отступлении в 1941 году.

Наша рота занимала несколько домов. По прибытии мне показали, в каком из них располагаться. В большой комнате — нары, по соломе накрытые брезентом. У одной стены пирамида с винтовками. Дежурит дневальный. Сняв с автомата магазин, повесил его на пирамиду. Вещмешок под голову. И только тогда вспомнил, что в мешке противотанковая граната. Хотел в лесу ее бросить, да дорогой задумался и забыл. За время нахождения в батальоне я попробовал все гранаты — и наши, и немецкие. А вот противотанковых не доводилось. Узнают, что она у меня, будет скандал. Решил пойти подальше на огород и рвануть. Осколков граната не давала, только сильную взрывную волну.

Ушел подальше от дома в поле, на пахоту, и бросил насколько мог, а граната не взорвалась. Что такое? Подошел, а она лежит ребром в талой земле. Что делать, пошел за автоматом. Зашел в дом, а там Кузнецов: «Не давать ему автомат!». Пошел к гранате, что делать? Снял с ручки пальчиками рычаг со спицей. Потихоньку поднял и, не размахиваясь, отбросил метра на четыре. Взрыв, и я лежу вверх тормашками. Увидел только, как мимо лица вверх пролетела рукоятка. Вскочил, а с шеи течет по груди струйка крови. Достал пакет, прижал и пошел в дом, где находилась санчасть. Жестянка от гранаты попала, как говорится, в яблочко и торчит. Фельдшер пинцетом выдернула ее, а забинтовать и остановить кровь никак не может. Истратила несколько бинтов, место такое, что повязку не наложишь. Врывается командир роты Гаджула. «Самострел! Расстреляю! Раздевайся, выходи²» — кричит. Я ему с хрипотой отвечаю,

² Самострелами называли солдат, сознательно наносивших себе ранения, чтобы попасть в госпиталь и не ходить в бой.

что мое обмундирование ни на кого все-равно не налезет, раздеваться не буду. Видя, что со мной ничего серьезного не случилось, он спросил, сильно ли я ранен. «Ерунда, царапина» — ответил я. Фельдшер показала жестянку. «Трое суток гауптвахты, нет, пять!». На другой день, найдя у одной хозяйки сарайчик из подтоварника, в котором, видно, до войны была какая-то живность, отвели меня туда под конвоем. Хозяйка принесла какой-то тюфяк, а вечером — чугунок с горящими углями, чтобы мне было тепло. Пробыл на «губе» две ночи и день. А потом ротный сжалился и амнистировал. Ранка зажила быстро, как на собаке.

Побег

Произошло это в зимние каникулы. Нельзя сказать, что решение было спонтанным. Вынашивали мы эту идею (Сашка особенно ей увлекся) где-то месяца два-три. Она замаячила в воздухе в конце лета, после прочтения «Маленьких дикарей» и «Ролфа в лесах»³ и стала оформляться в конкретику, как водится, с мысли: «А вот если бы мы...». Дальше перед глазами возникала картина жизни в лесу. Жизни, понятно, тяжелой (надо добывать пищу, поддерживать огонь, готовить еду), но такой классной! Построить уютное убежище в нетронутой чаще в тени вековых деревьев. Ходить звериными тропами в мягких мокасинах, сшитых своими руками, ходить так, чтобы под ногами не хрустнула ни одна веточка. Охотиться, ставить капканы и силки, ловить в реке рыбу, в общем, раствориться в природе, как индейцы и трапперы из книг, эта мысль манила и завораживала нас. В том, что будет трудно, но особых сложностей возникнуть не должно, мы почти не сомневались, ведь Сетон-Томпсон своими рассказами нас практически всему научил. В конце концов решение было принято — надо действовать.

Мы тщательно все обдумали и составили список необходимого на первое время. Потом, когда уже будет построено жилище и наладится охота, станет, конечно, проще, но сначала требовалась уйма всего и это еще надо было как-то дотащить до места. В список изначально входили: топоры, лопаты, одеяла, веревки, гвозди (на всякий случай), телогрейки, соль, сахар, спички, тушенка, картошка, хлеб, крупы, макароны, мука, сгущенка (как же без нее?), поджиги, проволока для пуль, банка бездымного пороха (была выменена у знакомого мальчишки, умыкнувшего ее у отца-охотника) и многое другое, всего не упомнишь. По мере обдумывания, список дополнялся. Прикинув, мы сообразили, что в два вещь-мешка, позаимствованных нами у отца (о чем он не знал), все это не влезет. Тогда у брата родилась идея (она показалась мне смутно знакомой), что надо сделать санки и все погрузить на них, а отправляться в лес лучше зимой, потому что по снегу санки тащить легче. На том и порешили. В сарае, тайком от родителей, сколотили из досок сани метра под два в длину. Сначала собирались отправиться вместе, но незадолго до назначенного дня Сашка сказал, что вместе не стоит, потому что надо и о родителях подумать. Каково будет им, если мы исчезнем вместе? Тем более, что потом я смогу навещать его в лесу. Примерное расположение места обитания, понятно, что недалеко от Гусенок, мы с ним наметили заранее. Было немного обидно, ну да ладно, он старше, ему видней.

В назначенный день, с утра, я помог брату дотащить, снаряженные загодя и получившиеся довольно-таки тяжелыми, сани до платформы. Полозьями у них служили простые деревянные нестроганные бруски и скользили они не очень. По снегу еще более-менее, но в тех местах, где дорога была посыпана песком, приходилось прилагать заметные усилия даже вдвоем. Еще хуже дело обстояло с железнодорожной платформой, поверхность которой была очищена до асфальта, но там было недалеко, ничего, справились. С расписанием мы ознакомились заранее и доставку Сашки с санями на платформу подгадали под прибытие электрички, идущей до станции «Большая Волга».

Все было продуманно основательно. Ему предстояло сойти на платформе Запрудня, добраться до автобуса, на нем доехать до ближайшей от Гусенок остановки и дальше порядка пяти-десяти километров тащить сани до деревни. Не рядом, конечно, но ведь это только один раз. Сразу в лес идти не стоило — уже будет поздно, стемнеет. Переночевать следовало в нашем домике. (К тому времени у нас в Гусенках уже был свой «домик», и ключ от замка всегда лежал под порожком.) Правда, надо было действовать незаметно, чтобы не нарваться на лиш-

³ Книги канадского писателя Э. Сетона-Томпсона о жизни в дикой природе. Первая из них содержит много практических советов, основанных на опыте североамериканских индейцев.

ние вопросы зимовавших в деревне стариков. Ну, а если заметят, придется врать, что родители в курсе его пребывания здесь, приехал, мол, на каникулы.

Электричка подошла, двери открылись, мы с трудом втащили сани в тамбур, я едва успел выскочить до того, как двери шипя сомкнулись, поезд тронулся и вскоре скрылся в утреннем зимнем сумраке.

Сашка уехал, мне предстояло держать оборону. Мы знали, что родители станут задавать вопросы и договорились, что мне надо продержаться как можно дольше, не говоря, куда делся брат. Потом можно сказать, но ни в коем случае не выдавая место его конечной дислокации. Первой с работы вернулась мама, на ее вопрос, где брат, я ответил, что он ушел гулять со своим другом Андрюшкой, соседом с первого этажа, его ровесником. Потом с работы вернулся отец, было уже начало восьмого. Сашки все не было, и мама начала волноваться. Она что-то сказала отцу, я слышал неразборчивые голоса из кухни через дверь комнаты, в которой я затаился. Хлопнула входная дверь, повисла гнетущая тишина, я догадался, что отец пошел к соседям вниз, узнать не вернулся ли их сын. Отец скоро пришел, вновь послышались голоса с кухни, они приблизились, дверь в комнату распахнулась. Отец прошел и сел на диван напротив меня, мама осталась стоять на пороге, прислонившись плечом к косяку. Я сидел потупившись, уперев взгляд в ковер на полу. На нем одна грушевидная фигура поддерживала тонкой ручкой другую такую же, та третью и еще, и еще..., все они сплетались в замысловатый узор.

— Где Саша? — услышал я серьезный голос отца. — Говори.

— Ушел, — проямил я, — гулять.

— С кем?

— С Андрюшкой..., вроде.

— Только не ври мне! — голос отца стал жестче. — И смотри мне в глаза! Я хочу видеть врешь ты мне или нет!

Я посмотрел на отца, его пронзительный взгляд уколол меня, я попытался незаметно смотреть в сторону.

— В глаза! — потребовал отец. — Смотри в глаза! — он взял меня за плечи и встряхнул, я вынужден был смотреть на него. — Андрюшка дома и говорит, что с утра Сашу не видел, а утром видел, как вы с ним тащили какой-то большой ящик. Где Сашка? Говори!

Я по-прежнему не мог смотреть в глаза отцу, они проникали в меня, вызывая ощущение, что он видит меня насквозь. Повинуясь его словам, я старался смотреть на отца, но взгляд мой, минуя ставшие каменными карие глаза, бродил по его лицу. Я видел его высокий, прорезанный продольными морщинами лоб, казавшийся больше из-за того, что отец зачесывал волосы назад. Впалые щеки, картофелину носа, с проявившимися красными жилками. Тонкие, сжатые губы, обрамленные глубокими возрастными складками. Смотрел и молчал, тянул время, как договаривались с братом. Предателем я быть не хотел.

— Что же вы, паразиты такие, делаете? — вновь услышал я его голос. — Я-то ладно, вы мать пожалейте! Посмотри на нее, на ней же лица нет!

Я с облегчением перевел взгляд на маму, но лучше не стало, она тоже как-то недобро смотрела на меня.

— Скажи, он жив? — взволнованно спросила она.

Это было уже слишком. Тут я сдался. Как она могла такое подумать? И в конце концов я ведь держался, держался сколько мог. Вообще-то было еще не так уж поздно и, не окажись Андрюшка дома, можно было бы потянуть еще. Но он был дома, и к тому же зачем-то рассказал про сани.

— Жив он, конечно..., — тихо сказал я, опустив глаза. — Сбежал он.

— Как сбежал? — ахнула мама. — Куда?

— В лес, в Гусенки, — все также тихо ответил я.

В комнате повисла тишина.

— Виталий, это все ты! — вдруг возмутилась мама. — Все ты со своими книгами и Гусенками!

Она замолчала ненадолго, как будто задохнувшись своими словами. Потом, продолжила:

— Да и какой у них пример-то перед глазами! Зачем ты рассказывал им про то, как на войну убежал? Говоришь, о матери подумай. А ты сам то о матери тогда думал? Сколько тебе тогда было?

— Когда первый раз, примерно столько же сколько сейчас ему, — ответил отец, имея ввиду брата.

После моего признания, более-менее внесшего ясность в местонахождение Сашки, и маминых упреков, голос его успокоился, из него ушла жесткость. Отец, будто вспомнив что-то, встал с дивана, подошел к окну и сквозь тюль занавески стал смотреть в непроглядную темноту зимнего вечера. Мамины слова об отцовском побеге на фронт, оживили в памяти его рассказ, и я понял, почему Сашкина идея с санками показалась мне такой знакомой. Отец говорил, что при втором своем «уходе» на войну он хотел воспользоваться санками.

— Виталий, — услышал я голос мамы, — ну что ты стоишь? Надо же что-то делать!

— Делать? — переспросил он, отвернувшись от окна, посмотрел на меня. — Во сколько говоришь он уехал?

— На десять тридцать, — ответил я, озвучивая время отправления электрички. Меня немного отпустило, гроза, похоже, проходила мимо.

— Варь, дай-ка расписание, — попросил отец маму, — давай посмотрим во сколько последняя из Запрудни.

Мама быстро вышла на кухню, достала из стола книжечку с расписанием электричек, вернулась, протянула ее отцу.

— Так что будем делать, Виталий? — вновь спросила она. — Надо ехать за ним! Скорее!

— Сейчас делать ничего не будем, — ответил отец, водя пальцем по странице открытой книжечки, — сегодня поздно уже. Ага, сегодня последняя через двадцать минут, их там всего три в день. Подождем. Сегодня не объявится, завтра отправлюсь на розыски.

— Как завтра! — возмутилась мама. — А если он там замерзнет!

— Если голова есть — не замерзнет, — спокойно ответил отец. — И вообще, я в его возрасте...

— Опять! — оборвала его мама.

Она резко развернулась и выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Отец постоял с минуту. Зачем-то еще раз заглянул в «Расписание» и вышел за ней следом.

Где-то через полчаса в прихожей раздался звонок. Открыла, конечно, мама, на пороге стоял Сашка. По маминому взгляду он сразу понял, что она все знает.

— Чего встал? Проходи, — услышал я голос отца в оставшуюся приоткрытой комнатную дверь. — А ящик-то твой где?

— На улице, у подъезда, — виновато ответил брат в ожидании головомойки, которую он вне всяких сомнений заслужил.

— Ну и чего же ты вернулся? — в вопросе отца не было ни строгости, ни усмешки, скорее любопытство.

— Да я их, сани эти, еле из поезда вытащил, — уже смелее ответил брат. — Постоял, подумал... и понял, что даже если я допру их до автобусной остановки, то в автобус все равно один не заташу. А если даже кто-нибудь поможет и их удастся запихнуть через дверь, то до деревни я их все равно не доволоку. Потом дождался электричку в нашу сторону и поехал домой.

— Тебе повезло еще, что в Запрудне одна платформа, через пути перетаскивать не пришлось, — спокойно сказал отец. — Ладно, пойдем, принесем твой ящик домой.

Как ни странно, ни мне, ни брату за этот несостоявшийся побег ничего не было. Только сани с поклажей, затянутой в перемотанный веревкой брезент, немым укором простояли всю ночь в коридоре. Утром мы с Сашкой потащили их в сарай распаковывать.

От Вислы до Берлина

Через неделю вызвал меня комбат, уже майор, Семенов. В начале 1944 года открывались Суворовские училища, в которые, в первую очередь, брали воспитанников из воинских частей. «В училище не поеду, — сказал я, — разрешите поехать в Гомель, в штаб армии. Буду проситься в учебный танковый полк». Комбат согласился и отпустил меня на три дня. Еще на Орловско-Курской дуге я пытался уехать с танкистами. Добрался до их части и обратился к командиру полка. «Автоматчиков у нас хватает, — сказал он. — А на танкиста нужно учиться. Есть при Первом Белорусском фронте 17-ый учебный полк, просись туда». И вот, в Гомеле, найдя бронетанковый отдел армии, упросил начальника дать мне направление в учебный полк.

Комбат перевел меня во вторую роту, как видно, от греха подальше. Поставили, возможно, на самый ответственный пост, на переправу через Днепр. Колонны шли одна за другой. Спешили завезти за реку как можно больше грузов. В половодье мост снесет, и войска будут отрезаны. Впервые за войну увидел генерала, да не одного, а сразу трех. Объехав остановившуюся колонну автомашин, «Виллис» с генералами остановился около меня. «Товарищи генералы, придется подождать, пока не приедет сопровождающий регулировщик!». — «Ничего, подождем» — ответил командарм.

В конце марта вызвали в штаб и выдали документы на отъезд в 17-ый учебно-запасный танковый полк. Зашел попрощаться к комбату. «Напиши, как устроишься, если не примут — приезжай обратно». Хороший был мужик майор Семенов. В апреле я написал ему письмо. В ответ, кроме пожеланий, он сообщил, что приказом по 1-му Белорусскому фронту я награжден медалью «За боевые заслуги».

Рано утром, собрав свои вещи и еще раз проверив наличие документов, я отправился к мосту через Днепр. Подошла колонна автомашин, идущая в тыл за грузами. Спросил у водителя: «До куда?». «До Гомеля» — сел к нему в кабину. Пропустив колонну, идущую на фронт, переехали через Днепр и мы. На другом берегу, открыв дверку, я прокричал регулировщику «До свидания!» и помахал рукой. Как объяснил мне шофер, грузились они за Гомелем, за рекой Сож. Поезда через реку не ходили, не был восстановлен мост.

В лесу, в нескольких километрах от реки — много путей, на которых стояли товарные составы. Вовсю шла перегрузка из вагонов на автомашины. Много землянок для солдат, занятых в погрузке. Показали, где пассажирский поезд на Брянск. Паровоз и несколько вагонов, но в каждом проводник. В вагонах тепло, а на улице, хоть конец марта — в лесу снег, холодно и сыро. Выйдя на станции города Новозыбков, спросил, где расположились танкисты. Оказалось, в бывшем сельхозтехникуме на другом конце городка. Пройдя до техникума, с любопытством рассматривал городок. Когда шли пешком от Брянска до Гомеля, Новозыбков оставался в стороне. Казалось, что и не было здесь войны. Только на станции были разрушения. В центре городка — работающая церковь. В полку, забрав мои документы, направили в помещение типа карантина для вновь прибывших. А дальше — медкомиссия, и через неделю распределение по учебным ротам. Меня направили в учебную роту стрелков-радиостов. Рад был и этому. Хоть зачислили, а не отчислили. Мне ведь не было и пятнадцати лет.

Изучали ламповую радиостанцию, которая располагалась в передней части танка, справа от радиста. Такие устанавливались на технике старого образца, и то не на всей. В части стали поступать новые Т-34, с 85-мм орудием и кварцевой рацией в башне у командира. Нужда в радистах отпадала, и наша учебная рота была малочисленной в сравнении с другими. В помещениях было холодно, кормили плохо. Курсанты, шутя, говорили, что «крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой». Многие от недостатка витаминов и плохого питания болели куриной слепотой. Через некоторое время заболел и я. С наступлением темноты переставал видеть.

Меня, как и остальных слепых, стали посылать в парный патруль. Один слепой, другой зрячий. Так и ходили, держась друг за друга.

Чердак

Ранние Гусенки, картинка вторая. (Черный фломастер, закончившийся, но дозаправленный одеколоном.) Мы с братом на сеновале под крышей дома, приютивших нас стариков. В этот раз мы почему-то приехали в деревню поздно, уже затемно. Должно быть была пятница и мы стартовали из дома вечером, после работы родителей. В дороге, на подъезде к деревне нас застал ливень. Люльку со мной и братом накрыли армейской плащ-палаткой, после чего все снаружи для нас пропало, осталось только пространство внутри коляски, напоминавшее уютный домик с брезентовой крышей, по которой колотил дождь. Каково было родителям на мотоцикле в струях воды мы видеть не могли, но, однозначно, не слишком приятно. В деревне отец попросил дядю Мишу с тетей Олей пустить нас с братом на сеновал, пока они с мамой будут ставить палатку. Те, конечно, не отказали, «пусть хоть до утра». Но до утра — это не в правилах отца, он не хотел быть кому-то обязанным, поэтому после установки палатки, несмотря на дождь, мы должны будем переместиться в нее.

А сейчас мы на чердаке. Над нами обрешетка крыши, по стропилам уходящая вверх, к коньку. Под нами какая-то подстилка, похожая на покрывало для кровати, под ней горы сухой травы. Почему-то считается, что спать на сеновале — огромное удовольствие. Нам с братом так не показалось. Покрывало постоянно сбивается от нашего елозания, с краев на него сыпается сено и жесткими соломинами колит нас даже через одежду. В воздухе удушливый запах прелой травы, нос и рот забивают мелкие остинки. Все пространство под крышей зудит невидимыми в темноте комарами, которые, похоже, как и мы, прячутся здесь от дождя. Жужжание часто приближается, меняя тональность на более низкую, после чего следует хлопок ладонью по себе в предполагаемом месте посадки насекомого. Иногда удачно, иногда — не совсем. Не совсем, в том смысле, что по себе-то попадаешь, но комара там не оказывается. Чердак, где мы находимся закрыт только с одной стороны, другой его торец, который во двор, открыт и через него мы можем наблюдать, что происходит снаружи. Дождь хлещет все так же. В небе сверкают молнии, пугая нас треском почти не отстающих громовых раскатов. В их разрывающем темноту свете, мы видим отца в мокрой до нитки одежде, бегающего вокруг уже почти установленной палатки, забивающего колышки и завязывающего веревки, и маму под натянутым в первую очередь тентом, колдующую над примусом в желании поскорее приготовить ужин. Чтобы было не страшно на темном чердаке, нам выдан ручной фонарик.

— Давай сигналить им, как разведчики? — спрашивает меня Сашка.

— Давай, — отвечаю я.

И мы, то включая, то выключая фонарь, подаем сигналы родителям, подражая разведчикам, из какого-то недавно виденного фильма про войну.

От Вислы до Берлина

Изредка были полевые занятия, в основном, хождение по азимуту. И вот, на одном из таких занятий мы разошлись группами по 4—5 человек в разные стороны, а сошлись к двум часам в одном большом селе. Было воскресенье, 16 апреля 1944 года, Пасха. Как были, группами пошли по домам, отдохнуть, обогреться. Хозяйка в большой комнате за столом, а мы рады посидеть в передней. Народ голодал, и мы ни на что не рассчитывали. Но хозяйка вынесла и поставила на стол чугунок с картошкой «в мундире». Потом принесла большую миску с квашеной капустой и солеными огурцами и пригласила к столу. А еще дала нам по небольшому куску хлеба и бутылку самогона. Поздравила с праздником. Мы, как могли, благодарили хозяйку. Так было и в других домах. Часа через два команда: «Выходи, строиться!». Строем, в хорошем настроении мы вернулись в казарму. В этот день мне исполнилось 15 лет. Так я отметил свой день рождения, который мне запомнился на всю жизнь.

В полку своим чередом шли занятия. На полях за техникумом «башнеры» (будущие командиры орудий) стреляли из танков, механики бороздили поля. А радисты все сидели в классе, изучали рацию РС-10, танковое переговорное устройство (ТПУ) и даже морзянку, и работу на ключе. Большая часть курсантов увлекалась радиodelом, но некоторые, и я в том числе, были равнодушны к нему. Лучше уйти в наряд, чем сидеть в классе и ковыряться в радиции под руководством преподавателя.

В конце мая или начале июня, нас погрузили в теплушки, повезли на запад. Полк ведь был прифронтовой и считался кузницей для пополнения танковых частей 1-го Белорусского фронта. Проехали города Овруч, Сарны, не останавливаясь на крупных станциях. Зато на небольших стояли подолгу, пропуская эшелоны на передовую. Доехав до Ковеля, долго стояли, а потом нас повезли в направлении Бреста. На какой-то станции выгрузились и, прошагав километров 15—20, остановились в лесу. Подсобные службы и техника прибыли раньше нас. Стояли палатки и были отведены места для каждой учебной роты. Выбрав время, пошел на прием к полковнику, командиру полка с просьбой перевести меня в роту механиков. Война к концу, понадобятся механизаторы, трактористы. А радиodelо мне не по душе. Полковник внимательно меня выслушал, расспросил, где и сколько служил, и перевел в роту механиков. Рота по составу была большой, человек 80—100, пришлось рыть две землянки. Вырыли их большими, как бараки. Метр глубиной, посередине проход еще на метр и в два шириной. По бокам — солома, накрытая брезентом. При входе слева — столик для дневального и керосиновая лампа. Окно в конце землянки и два оконца по бокам, у входной двери. В лесах был не только наш полк, и после нападения бендеровцев на одну из частей у нас были приняты меры предосторожности. В землянках, около дневального, поставили небольшие пирамиды с несколькими винтовками и автоматами. Также дежурили два легких танка Т-60. Землянки построили, обжили, а вот о туалетах забыли. Когда загадили кусты, стали бегать в поле, и к концу нашего пребывания в посевах пшеницы образовались тропинки, уходящие все дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.